

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**ГРОМ
НАД ПИОНЕРСКИМ
ЛАГЕРЕМ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Гром над пионерским лагерем / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-229686-4

Двое грабителей в масках, совершив налет на почту, уносят с собой крупную сумму денег. Постовой милиционер успевает ранить одного из бандитов, но им удается скрыться. Вскоре сумка с похищенными деньгами находится. Однако все купюры в ней оказываются фальшивыми... Работающий вожатым в пионерском лагере Колька Пожарский узнает, что одна из девочек, Сонька, хвалилась подружкам, что нашелся ее отец, с которым они скоро уедут на юг. Девочка угощала подруг мороженым, а однажды расплатилась в магазине... поддельной десяткой. Колька рассказывает об этом участковому Акимову. Вместе они решают проследить за Сонькой, не подозревая, какая неожиданная встреча ждет их...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229686-4

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Холод. Полночь. Ад.

Небо черное, опрокинутое, и место ему внизу, в преисподней. Новолуние, потому темно, и звезды редкие, жалкие, похожие на дыры в брезенте, отражаются в чернильной ледяной воде моря. Снег, жесткий, как наждак, хрустит под ногами, как брошенные, раздробленные кости.

Тихо. Только внезапно взревел, будто спросонья, буксир в порту. Звенит воздух от мороза, стужа впивается в голые пальцы, забирает последнее тепло из легких. Каждый вдох — точно глоток битого стекла. Трясет замерзшими полами вертухай на вышке.

Тьма густая, как мазут, сквозь нее живым огнем то и дело вспыхивает окно котельной, в тот момент, когда истопник открывает дверцу ревущей топки.

И вдруг — взрыв. Жахнуло так, что стекла в корпусе брызнули картечью. Котельная разорвалась изнутри, медленно падали стены, рвалось наружу ликующее пламя. Труба корчилась, изрыгая клубы едкого дыма.

Огонь весело лизал небо длинными языками, жрал доски, перекусывал бревна, которые трещали. Искры

взлетали вверх и тотчас гасли в морозном воздухе. Жар от этого огня был ложный, он не грел, не давал тепла, а запускал по земле густой удушливый дым. Снег вокруг котельной таял, обнажая покрытую угольной пылью землю, и лужи тотчас замерзали, становясь похожими на зеркала.

Люди высыпали из бараков, вопили: «Пожар!», «Не подходите!», «Горючка!», «*Рванет!*», — и все равно носились с баграми да ведрами. Покачивался на горячем ветру кусок ватника, прилипший к горящему бревну.

Холопья, презрев опасности, тушили пожар, дворянство — администрация колонии — собралось на собор. Барин¹ в тулупе, надетом прямо на пижаму, смачно выругался, сплюнул в снег.

— Твою ж... минус тридцать, дуба дадим.

Скряга², опухший после вчерашнего возлияния, икал от мороза:

— С-сейчас, дровец подгон... ик... м.

Коновал³ напомнил:

— Макар Ильич, там неактивированные жмуры были сложены.

— А почему там? Не греет печь — греет хата на костях?

— Места нет в покойнице.

— Да пес с ними.

¹ Барин (*жарг.*) — начальник ИТЛ.

² Скряга (*жарг.*) — начальник хозяйки.

³ Коновал (*жарг.*) — лагерный врач.

— Котельную жаль, — переживал скряга.

Барин спросил:

— А кто виноват-то в том, что лом безрукий у тебя там нынче дежурил?

Скряга похлопал себя по карманам, которых в кальсонах не было, стало быть, и блокнот отсутствовал. Тогда он крикнул зэка, отвечающего за дрова и котельную, спросил об истопнике. Тот доложил:

— Князев, пятьдесят восемь — четырнадцать, пятьдесят девять — три, еще¹.

— Короче, — приказал барин.

— Крыс музейный, гражданин начальник.

Замнач по оперработе заключил со знанием дела:

— Беды все от интеллигенции.

— Вылетел в трубу на небеса, все проще, — подвел черту разговора барин. — Михалыч, на жмуров сегодня же накатай активровку, понял? И крыса впиши.

Лагерный врач молча козырнул. Добрый барин вспомнил, что забыл, и обратился к скряге:

— Придурку своему накажи, чтобы дрова тащил прежде не на баню, а чтобы и по баракам распределил, а то все к утру перемерзнут. Усек?

¹ Ст. 58–14 «Контрреволюционный саботаж» — если хищение нанесло ущерб престижу государства, в т.ч. вывоз уникальных икон XII в., ст. 59–3 УК РСФСР «Незаконные операции с валютой и ценностями» — ценности продавались за валюту.

...В стороне от суматохи и воплей, где тьма снова была густая, ползла себе телега. Лошадь — пузатая, сверху от хребта — сплошные ребра, как на заборе, зевала и шаркала копытами. Фальшивый парашник (настоящий как раз летел себе на небо) в сторону огня и не смотрел.

Главное теперь — не заснуть, а то лошадь-то дойдет, дорогу знает, а он замерзнет к чертям. После жаркой котельной с непривычки холодно...

ГЛАВА 1

Обычно гвоздь в сапоге — это пустяк и ерунда. Это есть у тебя пара сапог. А если нога одна и сапог единственный, то беда.

Такая напасть постигла почтальона Гаврилова, Геннадия Ивановича. Причем как ладненько все начиналось: с вечера заскочил фронтовой дружок с боевой «подругой» — заветной бутылью, только вот в ней такой оказался хоттабыч, что до сих пор дым в голове.

Посидели. Утром имело место тяжелое похмелье.

Гаврилов, отлепившись от подушки, глянул в окно и запаниковал — на улице лежал снег. Иваныч засомневался, уж не помер ли он, но сообразил: не умер и не проспал он полгода, это погода фуфло. Весна в этом году крайне неопределенная. То парит, как в июле, то мороз прохватывает — чистый ноябрь.

Выпавший снег породил больной вопрос: в чем бежать на службу? За ночь в сапоге вдруг выскочил гвоздь, идти в нем невозможно, ничего на смену нет. А заведующая когда еще предупредила: «Еще одно опоздание — вышибу с работы за прогул». До недавнего времени можно было плевать на эти ее тявканья, но тут приняли на работу второго почтальона, так что

да, может выгнать. К тому же сегодня первое число, надо деньги разносить. Точно убьет.

Но тут — постучала в дверь удача в виде сварливой соседки. Она колотила и орала: «Натоптали, надымили, убирать кто будет — и сапог бросили!» Гаврилов удивился и, обождав, пока она уйдет, высунул нос в общий коридор — и точно! Дружок-то делся невесть куда еще с вечера, а сапог свой оставил, и, как по заказу, нужный, левый.

Гаврилов утащил в комнату подарок судьбы, намотал на ногу портянку, влез в сапог и потопал — в ажуре. Ну да, они ж друг другу перед боем всегда сапоги завешивали. Сапог как на продажу! Гаврилов еще прошелся бархоткой раз-другой-третий — и обновка засияла, аж глазам больно. Иваныч бодро упаковал потроха в надлежащие одеяния и, жених женихом, поковылял трудиться.

Настрой у него был бодрый, ощущался мальчишеский задор: «А ну и нехай увольняет. Не по закону. Дура». По закону или нет — было неизвестно, Иваныч понятия не имел, который час. Ходики давно продал, радио подлюка соседская обрезала. Часов Гаврилов не наблюдал, просыпался и прыгал на одной ноге на работу, потому нередко опаздывал.

На улице было пусто и сумрачно — то ли слишком рано, то ли уже все на работе, потому нет никого. От быстрой ходьбы кровь разогналась, веселее побежала по жилкам, хмель испарялся на морозе. Холодно

было, но от леса перло весенней сыростью, бодрящей, как скипидар. Иваныч думал: «Болота-то уже вскрылись, сходить бы». Очень он жаловал подснежницу, весеннюю клюкву. И слаще она, и собирать проще, не надо толкаться среди базарных теток, которые не жалуют сладкую ягоду, поскольку «пользительности» меньше.

Вспомнил Гаврилов, как раньше он еще на двух ногах и всем семейством ходили за подснежницей, и рот тотчас наполнился терпкой слюной, и перед глазами поплыли светлые и прозрачные, как тонкий, весенний лед, образы жены Ляльки, сынков Сашки и Алешки, веселые, замурзанные.

Ляля, смеясь, грозилась: потонете — домой не приходите, бутузы вопили воробьями: далеко до Зыбунчика. И сигали с кочки на кочку, пока Сашка не плюхнулся задницей в холодную грязь, выронил кузов с ягодой, рассыпал ее и заревел медведем. А спелая клюква алела на снегу, расплзаясь красными пятнами.

Почта была в тупике у леса, нормальным шагом до нее — двадцать минут, гавриловским — вдвое дольше. Иваныч уже настроился на покаяние, приготовил множество умиротворяющих слов. Снял картуз, дернул дверь — закрыто.

Еще раз рванул — тот же итог. «Заперто», — догадался Гаврилов, к тому же вот за стеклом табличка «Закрыто».

«Что за новости? — соображал он. — Рано, что ли, приперся? Или... мать честная, какой день-то нынче?!»

Но на улице никого не было, и, даже если бы и был, как с таким вопросом обратиться к прохожему? Как быть? Вернуться и завалиться спать?

Тут подгребла какая-то гражданка средних лет — и тоже на одной ноге, только у нее не было левой. Гаврилов оценил: сероглазая, свежая, толстая коса в тугой узел скручена, видно, что шустрая — вишь ты, как бодро хромает, и приветливая, не бука. Поздоровались. Та спросила:

— Я что же, рано? Нет никого. — И показала ему часы. Было на них четверть восьмого.

— Нет, — подтвердил Иваныч и вежливо спросил, какое сегодня число.

Тетка ответила без никакой издевки:

— Первое.

Он осторожно уточнил:

— Правда ли?

— Святая. Я вот специально пораньше пришла, очередь занять. Чего это они. Тараканов, что ли, морят? — И она в свою очередь подергала ручку, по-женски деликатно.

Геннадий спросил, что за тараканы, гражданка охотно пояснила, что, скорее всего, прусаки, и принялась рассказывать про этих паразитов, причем с подробностями, свидетельствующими о давнем с ними знакомстве. Она как раз толковала о слабо выражен-

ных признаках полового диморфизма¹, когда Иваныч взмолился:

— Отпустите душу на покаяние.

— Нет так нет, я тоже брезгливая, — покладисто отозвалась гражданка, ей-богу, славная женщина, — просто в дезинсекции долго трудилась. А чего вы тут топчетесь? Далеко домой идти?

— Ну это...

— Так пошли ко мне, тут недалеко. Все равно денег нам хватит, постоим чуть позже. А так чайку погоняем, поболтаем. — И она пояснила, улыбаясь: — Я недавно переехала, никого не знаю. Тоскливо!

На собственное счастье, Иваныч предложение принял. И дело не только в том, что вскоре они поженились, жили ладно и померли в один день (а может, и до сих пор живы). Дело в том, что в этот момент почту вооруженным образом грабили.

Как раз принимали деньги, и краснощекий участковый Семенов, улегшись грудью на стойку, шуточками отвлекал от пересчета новенькую почтальоншу Милу, молоденькую и смазливую, и тут в помещение ввалились двое. Как вошли, кто дверь не запер — вопрос открытый. Спрашивать было некому: Семенов пикнуть не успел, как получил рукоятью по затылку и, обливаясь кровью, рухнул на пол. Заведующая Зинаида Ивановна вздернула руки. Мила удивилась.

¹ Половой диморфизм — различия в общем облике (размерах, окраске и т.д.) самца и самки.

Один нахал — кепка на глаза, на узкой морде платок — бросил на пол брезентовый баул, приказал:

— Наполняйте, как в аптеке, — четко, плотно и аккуратно.

Принялись переключивать. Тут как раз Гаврилов начал ломиться в дверь, Зинаида дернулась, хотела крикнуть или хотя бы что-то сделать. Но налетчик в платке ловко дернул к себе Милу, уткнул ей подбородок ствол пистолета — и на всякий случай еще и головой покачал: не надо!

Зинаида застыла столбом. Так все и стояли. А потом двое счастливицков на двух ногах укувыляли на встречу новой жизни. Второй налетчик, одетый попроще и в чулке на морде, из-под которого топорщилась щетина, проследив за ними в окно, просипел:

— Ушли.

— Чрезвычайно хорошо, — одобрил первый и нежно шепнул Миле на ушко: — Вам хорошо, моя роскошная шері?¹ — И его голос, чуть гнусавый, звучал, однако, как признание в любви за пыльной бархатной занавеской.

В другое бы время Мила согласилась, что да, неплохо, но, когда одна рука заломлена за спину, а в подбородок упирается ствол, уместнее ответить, что черт его знает.

Гад одобрил:

¹ Шери — женское имя, в переводе с французского означающее «возлюбленная».

— Люблю дерзких, — и, отпустив, повел дулом «вальтера», — займитесь нашим делом, да поскорей, без пауз.

Женщины принялись бросать в чужой мешок чужие деньги. Колючий налетчик, что стоял на стреме, маялся и потел, а тип с манерами стоял в небрежной позе.

Странно. Творились такие черные дела, а на почте было чинно, прилично, подобающим образом пахло сургучом и чернилами, и участковый Семенов с разбитым затылком так тихо лежал в углу.

Только чулочная рожа дергалась, то и дело глядя в окно. Приятель его приструнил:

— Глаза на дело. Держи на мушке.

Чулочный пробурчал:

— Время же! Народ сейчас подвалит.

— Верно. Дамы, завершаем упаковку. — Подойдя к женщинам, он забрал мешок и передал колючему. — Засим позвольте откланяться.

Он умудрился и поклониться, и к выходу пойти, но ни взгляда, ни дула от женщин не отводил. Отвлекся лишь на миг, пытаясь повернуть ключ в закишем замке, а тот не подчинился. Колючий снова дернулся:

— Дай я. — И полез своими лапищами.

Вот когда оба отвлеклись на замок, Семенов успел попытаться совершить подвиг. Делая вид, что он продолжает находиться в беспамятстве, участковый сумел незаметно открыть кобуру, вытянуть револьвер, успел прицелиться — и это все.

Мерзавец в платке пальнул не глядя. Оглушающе грохнуло под низким потолком. Семенов рухнул на пол. Страшно, плоско лежала на полу его голова, и из-под нее растекалась красная лужа. Теперь воняло порохом и медью крови. За окном гневно орали вороны. Колючий взвыл:

— Что за... валим!

— Пожалуй, пора. — Убийца вышел первым, затылком вперед, продолжая держать под прицелом мертвевших женщин.

Но только он вышел, а колючая харя снова торганаула варежкой, повернувшись спиной, Мила метнулась к трупам, выхватила револьвер из его руки, прицелилась и выстрелила.

Плоскомордый взвизгнул:

— Князь!

Взмахнув руками, сам вывалился за порог, выронил мешок, пошел косо, собираясь упасть. Но подельник подхватил его и мешок, взвалил на плечи и бросился бежать.

Мила выскочила на порог, выдохнула, смиряя трясущиеся руки, старательно прицелилась в дергающую фигуру. Выстрелила она еще два раза, но обе пули ушли куда-то в сторону. Налетчики скрылись в лесу.

Стало тихо-тихо. Вороны черной рваной тучей снова опустились на лохматые сырые тополя, вновь мирно загомонили синицы. Опять начал таять под весенним солнцем выпавший с ночи снег, на котором

теперь расплывалась клюквенно-красная клякса. Плакала соком раненая береза.

...Весенний лес стоял мокрый, шумный, стлался туман от снега, хлюпнула под сапогом сонная лягуха, от тропинки вильнул в сторону «ручеек» — Князь прошел по нему и уткнулся в сочную, ровнехонькую полянку, которая так и стлалась под ноги, как зеленый ковер.

Подельник, томно вися на плечах, все нудил, а Князь потянул носом — точно, пахнет болотом, тухлыми яйцами, прелью, сладковато и липко. Болота он знал, как никто, даже когда нянька-чухонка¹ на даче под Гельсингфорсом пугала пейками подколодными, чтобы не ходил по топям, он все равно лез. Правда, такие полянки всегда обходил — это погибель.

«Дурная была идея с ограблением. Нахрап, бред и шум. А теперь тащить этот мешок с костями...»

Идти было непросто, ноша дергалась и скребла по снегу кривыми ногами. Князь скинул подельника с плеч, приказал:

— Сам дальше.

Тот заныл:

— Не могу!

— Прекрасным образом можешь.

¹ Чухонка — женская форма народного названия чухонец. Это устаревший русский термин для обозначения некоторых финских народов: финнов, эстонцев, карелов, ингерманландцев.

— Князь, не было такого уговора. Не договаривались... мусора-то... можно ж было... ох! Чего ты пистолет у него сразу не забрал, ведь очень просто же...

— Просто, — отозвался Князь, соображая: «Что теперь? Сейчас нагонят. Патрон на него тратить — нет, и так осталось только три. И выстрел услышат. Времени в обрез, и все до такой степени деструктивно...»

Возникла идея. Князь заботливо спросил:

— Больно?

— Спрашиваешь, — простонал тот, — прям под лопатку угодила, стерва. Аж горит все. Попить бы.

— Давай, давай, — проворковал Князь, бережно подтаскивая его поближе к полянке, — вот тут сядь, и водица рядом. А можно и клюковки.

— Клюковки! — повторил тот со щенячьим восторгом. — Она лечебная, мигом все снимет. — Тут он увял и спросил плаксиво: — Или хана мне, а?

Он жалко ухмылялся, и рот у него был несвежий, обметан белым, Князя передернуло, он отвернулся. Раненый, осознав, что помогать ему не станут, подобрался на брюхе к воде и принялся хлебать холодную воду.

— Во, и силенок прибавилось. Весна же, а? Такой на Севере нет.

— Нет, — подтвердил Князь, прислушиваясь.

Погони пока не слышать, но она близко. Вот вверху каркнул ворон. Прилетел, носатый, в широких неопрятных штанах, сел на корявую ветку, точно в ожи-

дании. Раненый неловко повернулся, охнув, снова оперся на пень, принялся причитать:

— Клюковки бы, а. Вон же она, рукой подать. И полянка вот какая чистая, хорошая полянка, ни кочки.

Князь согласился:

— Ни кочки. Ровнехонькая полянка.

Тот посидел, по хамству и глупости полагая, что друг ринется ему клюковки набирать. Потом дошло, кряхтя, поднялся сам, пошел по чистой этой полянке, покрытой такой плотной густой травой, даже лужиц не видно.

Сделал шаг, другой, третий.

Почувяв, что ноги утопают, он замешкался — и тотчас ушел по колено, помедлил еще — и вот уже холодная жижа засосала выше колена. Он завопил, начал рваться — и сразу оказался плотно охвачен жижей по самую грудь. Осторожно выдохнул, тихо-тихо, сообразив наконец, что сейчас не то что кричать — дышать нельзя, так тянуло за сапоги вниз.

— Помоги...

Князь отозвался с края полянки:

— Чем же мне помочь тебе?

Он уже омыл лицо, а теперь какой-то щепкой вычищал под ногтями грязь.

Раненый торчал в трясине, умирая, — так грешников, утягиваемых чертями, изображали на соловецких фресках — рот киноварью, глаза вылезают из орбит. Князь усмехнулся: «Падший ангел Дионисия, разве без золотого фона...»

— С-сука, — прошелестел «падший», совершенно не думая о том, что тратит последнее дыхание. — Я ж за тебя...

— В огонь и воду, помню, — подтвердил Князь. — Так вот вода, как раз кстати. Теперь просто тони. — И пропел негромко: — Со святым упокой...

Обезумев, утопающий дернулся наугад — и все, его засосало. Последний вздох, поднявшись пузырем, схлопнулся в весеннем тумане.

Князь перекрестил топь, проговорил:

— Грязь к грязи. — И принялся стягивать свой сапог.

Ворон недовольно каркнул и полетел по своим поганым делам.